

Первая публикация: // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы IX Всероссийской научной конференции. М. 2001. С. 20-29

В.А. Бессонов, А.И. Попов

«Временный генерал» Жак Бойе

[20] При изучении темы «Военнопленные Великой армии 1812 г. в Российской империи» исследователи решают многочисленные вопросы, связанные с пребыванием в плену представителей неприятельской армии. Одной из таких проблем, которая требует самостоятельного изучения, является вступление в российское подданство тех, кто в период Отечественной войны 1812 года сражался в войсках Наполеона, но в силу различных обстоятельств был взят в плен и решил связать свою дальнейшую судьбу с Россией.

В отечественной историографии вопрос вступления военнопленных в подданство России неоднократно затрагивался исследователями, которые обращали особое внимание на судьбы отдельных людей¹. Вместе с тем, в работах В.Г. Сироткина рассматривались и общие проблемы, связанные с созданием нормативной базы, особенностями принятия новых подданных, отношением к ним правительства, различных слоев общества и т.д.²

Основанием для принятия военнопленных в подданство Российской империи послужил указ императора от 16 (4) июля 1813 г.³, который того же числа был доведен до сведения гражданских губернаторов циркулярным предписанием главнокомандующего в Санкт-Петербурге и управляющего Министерством полиции С.К. Вязмитинова. В последующее время нормативная база, регулировавшая вступление в подданство, была дополнена новыми распоряжениями, в том числе и специальными правилами, утвержденными Комитетом министров, которые необходимо было соблюдать, принимая пленных в подданство⁴.

Разрешение присягать на верность России было связано с необходимостью уменьшить казенные расходы на содержание военнопленных и использовать иностранных подданных, оказавшихся в нелегком положении пленных, с пользой для государства. Из официальных данных, сохранившихся в бумагах А.А. Аракчеева и относящихся к 12 января 1815 г. (31 декабря 1814 г.), следует, что на подданство России присягнуло 15 обер-офицеров, 2 медицинских чиновника, 1968 нижних чинов и 253 австрийца еще не приняли присягу⁵. В конце именного списка офицеров была сделана приписка, что «сверх того изъявил желание вступить в подданство и Российскую службу бригадный генерал Бойе»⁶.

[21] Этот факт, связанный с переходом на сторону неприятеля военнопленного «генерала», остается единственным в истории пребывания военнопленных Великой армии 1812 г. в Российской империи и по этой причине заслуживает особого рассмотрения. Личность Бойе уже привлекала внимание исследователей, занимавшихся изучением движения декабристов, в связи с тем, что Бойе был знаком с Д.И. Завалишиным. Однако, краткие данные

О жизни военнопленного «генерала», присутствующие в биографическом справочнике «Декабристы», не отражают период вступления Бойе в российское подданство, да и в целом требуют некоторого уточнения⁷.

В данной работе сделана попытка проанализировать основные этапы биографии «бригадного генерала» на основании опубликованных материалов и архивных источников, выявленных в фонде Особенной канцелярии Министерства внутренних дел (ф. 1165) Государственного архива Российской Федерации. При этом особое внимание уделяется периоду пребывания генерала в России.

Жак Бойе (J. Воуе) родился 8 ноября 1766 г. в Монтобане (департамент Тарн и Гаронна). 20 декабря 1791 г. он начал службу добровольцем на фрегате «Наблюдательный». В 1792-1795 гг. находился на Антильских островах. 14 января 1793 г. получил чин су-лейтенант и был назначен помощником в штабе, с 20 апреля — лейтенант, адъютант генерала маркиза де Ля Салль. С 1 июня в чине капитана служил помощником в штабе. 15 июля назначен временным комендантом в

Порто-Пренс. 28 января 1794 г. он получил чин шефа батальона и 9 апреля стал штатным комендантом, с 10 ноября 1795 г. — военный комендант округа Жакмель. 14 июня 1796 г. был повышен в чине до шефа бригады (полковник) Восточного легиона. 26 января 1797 г. — временный старший адъютант (*adjutant general*). В апреле 1798 г. Назначен депутатом законодательного корпуса от одной инакомыслящей фракции, но его избрание было признано недействительным. Послан с миссией во Францию в сентябре 1800 г., но взят в плен англичанами и препровожден на Ямайку, где находился в заключении до прибытия армии Сан-Доминго. 10 октября 1802 г. был помощником начальника штаба этой армии у генерала Леклерка. 18 декабря утвержден консулами в звании штабного полковника (*adjutant commandant*). 9 сентября 1803 г. командующий генерал Рошамбо назначил его *временно бригадным генералом* и начальником штаба армии Сан-Доминго, но в этом звании он утвержден не был. Вместе с Рошамбо Бойе был взят в плен англичанами 30 ноября того же года. Возвратился во Францию 9 марта 1811 г. и оказался временно отчислен со службы. 29 марта 1812 г. Бойе получил назначение начальником штаба 12-й пехотной дивизии [22] генерала Партуно, с которой попал в плен 28 ноября на Березине⁸. Так распорядилась судьба — проделав всю свою военную карьеру в тропических широтах, Бойе закончил ее на заснеженных пространствах России.

Как видно, Бойе имел звание штабного полковника и лишь временно был назначен бригадным генералом, не получив при этом официального повышения. Однако, находясь в российском плену, он выдавал себя за генерала и настаивал на этом звании в период решения вопроса о принятии его в российское подданство. Такое «повышение» по службе, к которому прибегали и другие военнопленные⁹, могло быть связано с желанием улучшить свое положение в плену. Согласно циркулярному предписанию Вязмитинова (от 10 сентября (29 августа) 1812 г.) военнопленные генералы получали в сутки по 3 руб. порционных денег, в то время как полковники и подполковники — 1 руб. 50 коп.¹⁰ Поэтому, естественно, Бойе было выгодней числиться военнопленным «генералом», чем штабным полковником.

Вместе с тем, помимо меркантильных соображений у Бойе могла быть и другая причина назвать себя в плену «бригадным генералом». 17 ноября генерал Партуно обратился к маршалу Виктору с просьбой освободить его от командования вследствие ухудшившегося здоровья. Командиром дивизии он предлагал назначить одного из своих бригадных генералов: Бланмона или Бийяра (*Billard*). В тот же день Виктор написал Бертье, что Партуно не в состоянии командовать дивизией из-за того, что разбередились его старые раны. «Я пользуюсь этим случаем, — писал маршал, — чтобы рекомендовать на рассмотрение императора г. штабного полковника Бойе (*Boyer*), начальника штаба 12-й дивизии. *Уже 14 лет, как он является полковником.* Он был временно назначен бригадным генералом на Сан-Доминго и генерал-губернатором этой колонии, но рапорт об этом назначении был перехвачен англичанами, так и не дойдя до правительства, а г. штабной полковник Бойе, вследствие содержания в плену в Англии, лишился продвижения по службе, на которое он рассчитывал и которого он достоин за свою хорошую службу. Я прошу Ваше Сиятельство отнестись с участием перед Его Величеством в пользу этого офицера»¹¹. Возможно Бойе был уверен, что на этот раз генеральское звание ему обеспечено, хотя никаких официальных документов о своем производстве он не имел.

Основываясь на том, что одного представления вполне достаточно для повышения звания военнопленного, Бойе «продвинул по службе» не только себя одного. В апреле 1813 г. он обратился с письмом к Витебскому гражданскому губернатору, в котором свидетельствовал о пожаловании капитану артиллерии Левассеру [23] (*Levasseur*) звания подполковника за дело 26 (14) ноября 1812 г., который не получил соответствующих документов вследствие того, что под Борисовом был взят в плен. Основываясь на показаниях Бойе, губернатор 20 (8) апреля 1813 г. предписал инспектору комиссии о военнопленных в г. Витебске включить в списки на получение порционных денег Левассера в новом звании подполковника¹².

Первоначально Бойе находился среди военнопленных в Витебске, оттуда был направлен в Орел, а затем был переведен в Казань. Там он женился на крепостной Л.В. Толстого, в доме

которого жил¹³, и в мае 1814 г., до начала общей репатриации военнопленных, обратился к Казанскому гражданскому губернатору с просьбой оставить его в России. О желании военнопленного «генерала» губернатор 17 (5) мая уведомил главнокомандующего в Санкт-Петербурге Вязмитинова, представив на его рассмотрение письмо Бойе¹⁴. По этому прошению было принято решение разрешить военнопленному «генералу» остаться в России до Высочайшего о нем повеления, которое было сообщено в Казань 6 июня (25 мая) 1814 г.¹⁵

6 апреля 1814 г. «бригадный генерал» Бойе вновь обратился к Казанскому губернатору с просьбой о дозволении присягнуть на подданство и вступить в российскую службу¹⁶. Это письмо также было направлено в столицу, и на доклад Вязмитинова последовало Высочайшее повеление объявить Бойе, что если он не переменял своего намерения, то может прибыть в Санкт-Петербург¹⁷. 26 (14) августа 1814 г. это решение было сообщено Казанскому губернатору для исполнения, и вместе с тем от него требовалось уведомить, «в какой службе и войске сей генерал находился, какой он нации подданный, как проходил служение, где в плен взят и в чьем был тогда корпусе»¹⁸.

В ответ на Высочайшее повеление Бойе 12 сентября 1814 г. написал Казанскому губернатору, что он с большим желанием готов поступить на русскую службу, но не имеет средств, чтобы выехать из Казани, так как лишился всего своего имущества в момент взятия в плен. Вместе со всем багажом он потерял и свой портфель с бумагами, а потому не может с точностью указать даты своих повышений по службе, но лишь те, которые точно запомнил¹⁹.

К своему письму «генерал» приложил составленную тогда же по памяти «Служебную характеристику» (Etat des services)²⁰. Согласно этому документу, Бойе родился 8 ноября 1768 г. и, «имея собственность на Сан-Доминго, служил главным образом в Америке и *вовсе не был в Европе; во время революционного кризиса (la crise) он воевал на Антиллах, последовательно против испанцев, англичан и инсургентов*». В документе подчеркивалось, что [24] «после исключения из законодательного корпуса *Бонапартом...*, генерал Бойе возвратился на Сан-Доминго и тотчас был озадачен важной миссией» — переговорами с губернатором испанской части острова Доном Гарсиа. Речь шла о передаче этой части острова во владение французов, так как *вождь мятежников Туссэн-Лувертюр хотел сотворить там расправу*. Бойе был начальником штаба генерала Рошамбо в звании бригадного генерала. «Будучи взят в плен при эвакуации этого острова английской эскадрой, которая крейсировала вокруг него, он содержался в тюрьме в Англии в течение семи лет. Обменян в 1811 г.» Как видно, Бойе подчеркивал свою непричастность к революционным событиям, некую оппозиционность Бонапарту и свое уважительное отношение к праву собственности и законной власти. О том, что он не был утвержден в генеральском звании, Бойе не сказал ни слова. Кроме того, в своей «Служебной характеристике» сам Бойе исчислял свое производство в бригадные генералы с 1803 г., видимо, полагая все случившееся с ним позднее несправедливостью. К тому же, удлинение срока пребывания в генеральском звании могло быть выгодно для него при переходе на русскую службу.

Полученное от Бойе письмо и «Служебную характеристику» Казанский губернатор направил 27 (15) сентября 1814 г. в Санкт-Петербург²¹, где в начале октября эти сведения были рассмотрены в Особенной канцелярии министра полиции²². Для решения вопроса о материальном положении «генерала» была составлена записка и 26 (14) октября представлена на рассмотрение Комитета министров. В ней предлагалось принять решение о выдаче Бойе денег для проезда в столицу, рассмотреть вопрос о предоставлении квартиры и назначении ему необходимых для проживания в России денег²³.

12 ноября (31 октября) 1814 г. Комитет министров определил выдать «генералу» из Государственного казначейства необходимую для проезда в Санкт-Петербург сумму, нанять на казенный счет пристойную квартиру и до Высочайшего повеления производить ему выплату денег как военнопленному генералу. Исполнение этого решения было возложено на главнокомандующего в Санкт-Петербурге²⁴, который 16 (4) декабря 1814 г. сделал все, зависящее от него, распоряжения²⁵.

14 (2) февраля 1815 г. Казанский губернатор уведомил Вязмитинова, что Бойе был отправлен с коллежским секретарем Пульхеровским в Санкт-Петербург. Военнопленному «генералу» были даны прогоны на 6 лошадей, «по уважению, что он отправился с женою, которую взял в Казане»²⁶, и порционные деньги, по 3 руб. в сутки, на февраль, март, апрель и май месяцы.

[25] В начале марта военнопленный «генерал» прибыл в Санкт-Петербург и остановился в трактире Демута на Мойке. По прибытии в столицу Бойе 24 (12) марта 1815 г. написал письмо правителю Особенной канцелярией министра полиции М.Я. Фон-Фоку, в котором он жаловался на свое материальное положение, указывая, что полученная им в Казани сумма была израсходована в дороге. Просьба «генерала» о выплате ему денег была доложена по инстанции, на что 25 (13) марта 1815 г. последовало решение: 270 руб., полученные Бойе в Казани, зачесть издержанными «для путевых надобностей», производить выплату по 3 руб. в сутки с 1 марта, оплатить проживание в трактире и поспешить с наймом «генералу» квартиры²⁷.

Содержание Бойе в Санкт-Петербурге было передано в ведение исправлявшего должность обер-полицмейстера И.С. Горголи. Он обязывался получать из Казенной палаты порционные деньги и выдавать их прибывшему в столицу «генералу», оплатить проживание у Демута и заниматься поисками квартиры²⁸. Последний вопрос оказался наиболее сложным. Военнопленный «генерал» просил нанять ему квартиру с мебелью и отоплением за счет домохозяина, без чего, как заявлял Бойе, обойтись он не может. 13 (1) июня 1815 г. обер-полицмейстер докладывал Вязмитинову, что он сумел найти только одну подходящую квартиру в доме Демута во 2-й части, за которую хозяин просил 100 руб. в месяц²⁹.

Свою просьбу о получении квартиры Бойе повторил в письме Фон-Фоку от 14 (2) июня 1815 г., в котором вновь жаловался на свое тяжелое материальное положение³⁰. Сообщение обер-полицмейстера и письмо «генерала» рассматривались в Особенной канцелярии министра полиции. Было принято решение подготовить записку для предоставления государю, в которой, между прочим, говорилось, что Бойе претерпевает «крайний недостаток во всем до последних потребностей жизни относящихся» и просит вспомоществования в размере 100 руб. Резолюция на поданную записку последовала только 13 (1) сентября. Было решено выдать Бойе 150 руб. и платить за квартиру «генерала» по 60 руб. в месяц³¹. 2 ноября (21 октября) 1815 г. Бойе вновь обратился к Фон-Фоку с письмом об оказании финансовой поддержки. На этот раз «генерал» просил выдать 100 руб., необходимых для покупки дров. Его прошение было рассмотрено, и 28 (16) ноября Вязмитинов направил отношение министру финансов, с предложением ассигновать необходимую для Бойе сумму³².

В последующее время в жизни военнопленного «генерала» не произошло каких-либо изменений. Он продолжал оставаться в Санкт-Петербурге в нанятой за счет казны квартире и исправно получал порционные деньги. Только весной 1816 г. [26] последовало Высочайшее распоряжение передать дело Бойе в ведение П.М. Волконского. 16 (4) мая 1816 г. от него было направлено отношение к Вязмитинову с просьбой объявить «военнопленному французской службы генералу Бойе», чтобы он явился на следующий день к 12 часам в здание Генерального штаба³³.

Летом 1816 г., пока Бойе оставался в России и намеревался вступить в подданство, за границей начались поиски пропавшего в плену «генерала». К командиру отдельного корпуса во Франции М.С. Воронцову обратилась жена Бойе, которая, «не имея при всем старании доселе никакого известия от мужа своего»³⁴, просила выяснить, где он находится. Просьба супруги «генерала» была доведена до сведения Министерства полиции и от Вязмитинова переадресована 12 июля (30 июня) 1816 г. Волконскому, в ведение которого поступил военнопленный «генерал»³⁵. Таким образом, Бойе оказался двоеженцем, и это было, видимо, основной причиной, повлиявшей на его решение остаться в России.

Выйдя из-под ответственности Министерства полиции, Бойе принял присягу на подданство России. Однако в его содержании не произошло каких-либо изменений, и в последующие годы он по-прежнему продолжал получать назначенные ему по Высочайшему повелению квартирные и

порционные деньги. Даже когда в декабре 1820 г. в Экспедиции о государственных доходах возник вопрос об исключении этих выплат из расписания расходов, было принято решение не прекращать выдачу определенных ему сумм³⁶. В среднем Бойе получал 1800 руб. в год, что соответствовало жалованию российского генерал-майора. Помимо этого он зарабатывал деньги, служа гувернером и давая частные уроки французского языка и военных наук³⁷.

Вступившему в российское подданство Бойе в 1822 г. было разрешено отправиться за границу для устройства своих домашних дел. При этом все выплачиваемые ему деньги было Высочайше разрешено получать его жене и детям, остававшимся в Санкт-Петербурге³⁸.

После восстания декабристов вернувшийся в Россию Бойе оказался под подозрением. В «Алфавите членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам прикосновенным к делу», составленном в 1827 г., говорилось, что по показаниям К.Ф. Рылеева «Завалишин находился в связях с Бойе, который имеет отношения с родственником своим, президентом Гаитской республики. Однажды Завалишин показывал ему, Рылееву, устав сей республики, а вскоре затем и первый номер журнала, там издаваемого. ... Рылеев показание свое заключил тем, что «сие может подать следы к розыску об Обществе восстановления»³⁹. Завалишин, в свою очередь, сообщил, что Бойе жил в плену у его деда, поэтому он знал [27] «генерала» с детства, однако никогда не говорил ему о намерении учредить Орден восстановления. По Высочайшему повелению были собраны сведения о жизни Бойе в России, который оказался «известен здесь, как человек лучших правил и скромной жизни»⁴⁰, чьи сношения с Гаитской республикой не являлись секретом для правительства. Это послужило основанием прекратить дальнейшее расследование о причастности Бойе к тайным обществам.

В 1827 г., спустя 13 лет, желание Бойе вступить в российскую службу было удовлетворено. Он оказался причислен к Кабинету Его Величества чиновником особых поручений при Волконском с чином статского советника, и только в последующее время Бойе удалось достичь чина действительного статского советника. Он умер в Санкт-Петербурге в 1838 г. и был похоронен на Смоленском православном кладбище⁴¹.

В течение своей 23-летней службы, с 1791 по 1814 г., когда Бойе принял решение вступить в российское подданство, он почти 12 лет провел в плену, сначала у англичан, а затем в России. Несмотря на это, Бойе дослужился до штабного полковника и дважды, в 1803 и 1812 гг., был представлен к званию бригадного генерала. Но в обоих случаях карьерный рост прерывался пленением. И все же Бойе сумел сделать себя военнопленным «генералом», и с привилегиями, которое давало это звание, остаться в России.

Возможно, решение о вступлении в российское подданство было связано с неудовлетворенностью своей служебной карьерой и опасением, что по возвращении во Францию позорная капитуляция 12-й дивизии могла полностью перечеркнуть его шансы на получение долгожданного звания, которое он фактически уже имел, находясь в российском плену. Но, вероятно, главной причиной, побудившей Бойе остаться в России, была его новая семья, которую он приобрел в Казани, в то время как он уже имел законную супругу во Франции. Оставаясь в России, Бойе разрывал все свои прошлые отношения с родиной и, благодаря этому, получал возможность начать новую жизнь и сделать достойную карьеру.

Российское правительство, вероятно, так и не узнало, что пожелавший вступить в подданство «бригадный генерал» в действительности не имел этого звания. Желание присягнуть на верность и вступить в службу военнопленного «генерала» было принято императором благосклонно. В том, что «бригадный генерал» наполеоновской армии предпочел остаться в России, правительство, возможно, увидело государственный интерес. Поэтому все просьбы Бойе, связанные с обеспечением его жизни в Санкт-Петербурге, удовлетворялись практически в полном объеме. В то [28] же время, со стороны правительства не было видно особого стремления побыстрее принять от Бойе присягу на подданство и определить его в службу. Больше года военнопленный «генерал» прожил в Санкт-Петербурге в ожидании момента, когда к его персоне будет проявлено внимание. При этом желание Бойе перейти на русскую службу до конца царствования Александра I так и не

было удовлетворено.

К началу 1820-х гг. Бойе, приняв присягу на подданство, окончательно обосновался со своей новой семьей в России. Но только в 1827 г., после вступления на престол нового императора, его просьба, сформулированная еще в 1814 г., была полностью удовлетворена. Бойе получил должность, хотя пожалованный ему чин не соответствовал его «генеральскому» званию, и только с течением времени ему удалось дослужиться до 4-го, генеральского, класса Табели о рангах.

На основании изученных источников можно сделать вывод, что в лице Бойе мы не имеем уникального примера вступления в российское подданство генерала, взятого в плен в период Отечественной войны 1812 года. Здесь мы имеем дело со своего рода мистификацией, когда штабной полковник, которого действительно представляли к повышению, сумел, находясь в плену, выдать себя за бригадного генерала и заставил других поверить в свое высокое звание.

Примечания

¹ Юдин П. Из прошлого. Французы-казаки // Оренбургские губернские ведомости. 1892. № 32; Военский К. А. Из воспоминаний о последнем офицере армии Наполеона // Русская старина. 1896. № 4; Хованский Н. Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1912; Тотфалушин В. П. Французы в Саратове. К истории войны 1812 г. // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 6; Иванов К. В. Французы-казаки // 185 лет Отечественной войне 1812 г. Самара, 1997.

² Сироткин В. Г. Судьба французских солдат в России после 1812г. // Вопр. истории. 1974. № 3; Он же. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 177—218.

³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 32. № 25415. С. 593 (далее: ПСЗ).

⁴ ПСЗ. Т. 32. № 25432. С. 606-607; Государственный архив Калужской области. Ф. 32. Оп. 19. Д. 530. Л. 457, 474, 632, 639, 679; Д. 925. Л. 405, 421, 422, 542.

⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 657. Л. 130-130 об.

⁶ Там же. Л. 130 об.

⁷ Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 27.

⁸ Goraiainow S. E. M. Lettres interceptees... Paris, 1913. P. 249; Сборник Российского исторического общества. Т. 112. С. 521; Six G. Dictionnaire bigraphique des generaux et amiraux francais de la Revolution et de L'Empire. Т. 1. Paris, 1934. P. 151. В словаре Сиса Бойе числится среди *временных генералов (generaux provisoires)*, имена которых напечатаны мелким шрифтом.

⁹ Попов А. И. Генеральские потери «Великой армии» в России в 1812 г. // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 г. Проблемы изучения. Персоналии. Памятники. Малоярославец, 1998. С. 18.

¹⁰ Бессонов В. А. Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской империи в 1812 г. // Отечественная война 1812 г.: источники, памятники, проблемы. Бородино, 1999. С. 16-17.

¹¹ Fabry G. Campagne de 1812. Documents relatifs a l'aile gauche. Paris, 1912. P. 185-186.

¹² Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1911. Кн. 1. С. 48-49.

¹³ Декабристы... С. 228.; Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 1165. Оп. 1. Д. 23. Л. 11.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 188. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 8.

¹⁶ Там же, Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 9-10.

²¹ Там же. Л. 7.

²² Там же. Л. 11.

²³ Там же. Л. 13-14.

²⁴ Там же. Л. 12.

²⁵ Там же. Л. 15-16.

²⁶ Там же. Л. 19.

²⁷ Там же. Л. 20-21.

²⁸ Там же. Л. 18, 22, 23.

²⁹ Там же. Л. 24.

³⁰ Там же. Л. 25-26.

³¹ Там же. Л. 27-29.

³² Там же. Л. 31, 32.

³³ Там же. Л. 34.

³⁴ Там же. Л. 35.

³⁵ Там же. Л. 36.

³⁶ Там же. Л. 37-40.

³⁷ Декабристы... С. 27.

³⁸ ГАРФ. Л. 42-50.

³⁹ Декабристы... С. 228.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 27.